

делают только хуже. Слово Божие говорит, что, пока мы пребываем в нечестии, нам не будет покоя. Но мы можем исправить свою жизнь — не сами, а с помощью Божией, выйти на верный путь. Радость и мир в душе приходят тогда, когда мы возлагаем нашу надежду на Бога и творим Его волю.

Но это предполагает обращение человека к Церкви. А как ответить на вопрос: для чего Церковь современному человеку? А для чего вообще жизнь современному человеку? Ведь любое «зачем» предполагает какую-то цель. Зачем мне корабль? — Чтобы переплыть море. Зачем мне какие-либо знания и навыки? — Чтобы добиваться своих целей. А зачем мне их добиваться? Стоят ли они того? Какова вообще цель человеческой жизни?

Христос основал Церковь, чтобы в Ней открыть нам смысл и цель нашего существования: почему мы здесь, на что мы можем надеяться, что нам надлежит делать. И Он открывает нам, что мы созданы для жизни вечной и блаженной, что эти несколько десятилетий нашего земного пути — очень важное время подготовки к вечности, когда мы будем пожинать плоды тех трудов, которые совершили здесь, на земле. И эта вечность может быть бесконечно радостной, блаженной, утешительной, а может, увы, и не быть таковой. И Церковь создана Господом ради единственной цели — вечного спасения людей.

Человек становится другим, меняется его система ценностей. Человек находит подлинную цель и подлинную радость в своей жизни. То, что раньше казалось важным, ценным, ради чего человек был готов на все, даже на преступление, становится чем-то никчемным и ненужным.

Позвольте мне еще раз напомнить некоторые очевидные вещи. Ситуация меняется, когда меняются люди. А люди меняются, когда они хотят измениться. Не когда они хотят, чтобы менялись другие (к другим можно предъявлять какие угодно претензии — это ни к чему не приведет), а когда они понимают, что их собственные пути неправильны, их собственные ценности нуждаются в пересмотре, их собственные нравы нуждаются в исправлении. Такие люди обращаются к Богу с покаянием и верой и приходят в Церковь, чтобы обрести помощь и изменить свою жизнь.

Литература.

1. Балашова, Г., Новичкова, Н.М. — Ульяновск: УлГУ, 2006
2. Каган, М.С. Философия культуры / М.С.Каган. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. — 416 с.
3. Лихачев, А. Духовно- нравственная жизнь в категориях психологии / А. Лихачев // Московский психотерапевтический журнал. — 2005. — № 3. — С.20— 50.
4. Никитина, Н.Н. Социально- педагогические основы ценностного самоопределения в ранней юности: Методическое пособие.

А.Д. Цетковский, Н.А. Церковская

аспиранты

ГУО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

ХРИСТИАНСКИЙ ЭТОС В РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В религиозных представлениях и обобщающих теологических концепциях запечатлен многовековой нравственно-психологический опыт человечества, представляющий особую ценность для философских размышлений и литературоведческих исследований. При этом никак нельзя оставлять без внимания религиозное решение философско-антропологических вопросов о смысле жизни, страданий, зла и предназначении человека.

Самосознание нации может быть выражено, причем достаточно ярко и определенно, в литературе данного народа. Те идеи, которые выражает национальная литература, одновременно выступают и культурными маркерами, той цивилизационной платформой, на которой формируется собственно национальная идентичность.

Цель нашего исследования — показать аксиологический потенциал, который заложен в русской и американской литературах. Анализ мы будем проводить через призму христианских ценностей, особенностей их национального понимания в американской и русской культурах.

В теории литературы и культурологи вполне оправданным представляется разделение культурно-цивилизационных моделей на 2 типа: сотериологический и эвдемонический. Такое разделение подтверждает в своей книге «Вера в горниле сомнений» М.М. Дунаев: «Переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам — и предпочтение их. На Руси это совершалось

гораздо позднее. И совершенно логично, что приверженцы сокровищ земных объявили тяготение к духовному, возвышение небесного над земным — косностью и отсталостью» [3].

В плоскости христианской аксиологии этот вопрос должен решаться через евангельскую максиму: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6,21).

По мнению М.М.Дунаева, «... главная тема русской литературы — противоборство двух раздирающих душу и сердце наши стремлений к сокровищам небесным и сокровищам земным» [3]

Американская цивилизация с самого начала своего существования испытывала к Европе т.н. «эдипов синдром» – как первые колонисты, которые были носителями идей христианской теократии, так и их последователи ощущали генетическое родство с культурой европейского континента, что прямым образом отразилось в текстах первых поселенцев Новой Англии и их ближайших последователей.

Процесс колонизации Нового света проходил в XVII-XVIII веках в формате пуританского аксиоцентризма. Изучая американскую литературу колониального периода можно обнаружить, что отличительными особенностями самых ранних литературных трудов, которые многие исследователи называют «первыми национальными текстами», являются их религиозная и гражданская тематики. Интересен тот факт, что из большого числа поселенцев именно пуритане были единственными писателями, которые использовали повествование от первого лица.

Пожалуй, наиболее яркими примерами такого рефлексивного описания действительности в пуританской новоанглийской литературе являются образы Эдуарда Брюстера (Edward Brewster) в работах Уильяма Брэдфорда и Джона Уинтропа (John Winthrop) в «Реликвиях деяний Христа в Америке» Коттона Мэзера. Интересно, что пуритане, создавая художественный образ идеального христианина, нередко прибегали к греческой мифологии и ветхозаветным текстам (например, образ Прометея у К.Мэзера). Философская и художественная ориентация не только на Новый Завет (что, в частности, свойственно русским христиански ориентированным писателям), но и на Ветхий Завет, также и на совершенно разные, часто не связанные между собой исследования историков того времени, деятелей культуры и искусства, богословов разных формаций, по нашему мнению, составляет особый мировоззренческий конструкт пуританской глокализации.

Как отмечает Коновалова Ж.Г., «пилигримы» (отцы-основатели) считали себя носителями социальных, религиозных, философских и политических идей, которые они хотели воплотить в жизнь (яркий пример тому – жизнь Коттона Мэзера), стремились, по словам Томаса Шепарда, установить «священное благосостояние».

Одной из важнейших черт религиозных текстов пуритан Новой Англии является осмысленный отказ авторов этих текстов от полемики с возможным читателем. Если попытаться детализировать, вычленив из большого контекста — процесса освоения нового континента – некоторые, на наш взгляд, наиболее репрезентативные мотивы новоанглийской словесности, то одними из таковых, несомненно, можно считать мотивы равенства, избранности, благополучия, трудолюбия, свободы, веры в Бога, веры в силы человека, ведь общая стилистика пуританского мышления предполагала, что последующим поколениям нужны будут руководства к жизни, состоящие из двух источников: Священного Писания и литературного наследия отцов-основателей. Последнее, как отмечают некоторые литературоведы, в частности, объясняет столь сильный расцвет жанра эссе, памфлетов, дневниковых заметок, т.к. лучшее, что может произойти с верующим, это то, что на языке святых отцов Церкви называется «обожение». По словам святого Илариона (Троицкого), «Церковь и теперь живет тем же идеалом обожения, которым жила она в древности, за который подвизались до крови ее выдающиеся богословы и учителя» [2].

Идея обожения несёт в себе мощный духовный заряд, приближает человека к пониманию сути его отношений с Богом. Идея обожения показана в Священном Писании, например, прямо об этом пишет апостол Петр: «Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2-е послание Петра, 1:3-4).

Важно отметить, что пуританизм времен заселения колоний представлял собой теологическую идею, главной задачей которой было радикальное очищение христианского вероучения от римокатолических богословских и клерикальных искажений. В этом смысле пуританизм был значительно ближе к идее обожения, чем традиционное западное средневековое христианство, то есть в раннем пуританизме преобладал сотериологический импульс развития культуры, а не эвдемонический. Забегая вперед, отметим, что уже начиная с периода третьего поколения поселенцев в формирующейся американской цивилизации стал доминировать эвдемонический тип культуры, что

впоследствии выросло в цивилизационную модель *Rex Americana*, имеющую открытую потребительско-гедонистическую направленность.

Так, придавая своему словесному творчеству определенную сакральность (они видели в нем ценнейший исторический и богословский источник для своих потомков), ранние пуритане тем самым пытались сформировать новую, протестантскую, систему Священного Предания (которая по традиции православной и католических церквей имеет важнейшую ценность для понимания христианского учения). То есть, отрицая одну богословскую модель (римо-католичество), ранние пуритане формировали другую модель (пуританскую, «чистую»), однако, в сущности своей и реальности эта попытка оказалась утопичной.

На эту особенность развития протестантизма, его эвдемонического тупика указал профессор богословия А.Кураев: «Любая религиозная традиция ... то есть религиозная группа, которая пережила поколение отцов-основателей ... переходит в следующую эпоху, и когда <наступают> другие условия жизни, а сакральные авторитеты остались в прошлом ... как по их советам ... ориентироваться? Эта проблема очень серьезная для всех религий традиционных. Но протестанты это решили очень просто. Они сказали: “Наша традиция – не признавать никаких традиций, аминь. Только Библия и всё”» [4].

Экстатическое начало в сознании пуритан приближало их к идее личного Бога, но эта идея развивалась у пуритан по реформационной методологии: *sola scriptura* и *sola gratia*. Как уже отмечалось, пуритане, отрицая Священное Предание, формировали новое предание, но – по законам апперцептивного субъективного опыта.

Идея т.н. «призвания», по которой нет разделения жизни христианина на собственно религиозную и мирскую, активировала жизнь пуритан, превращало будни не просто в возможность послужить Богу и людям (хотя именно этот аспект является одним из важнейших в протестантской парадигме), но и выяснить, входит ли тот или иной христианин в *short-list* божественных избранных, то есть тех, кто спасется. Этот поиск своеобразных доказательств, подтверждений избранности отдельных христиан является важным принципом, определяющим тему, технику и художественные принципы сочинений новоанглийский пуритан.

Культурно-религиозный феномен пуританизма оказал мощное влияние на становление литературы США, тогда как в России, по мнению М.Дунаева, «православие — основа русского миропонимания и русского способа бытия в мире» [3]. В литературоведении сегодня ведутся дискуссии по вопросу влияния доктрин пуританизма на культурную самоидентификацию американцев. Идеи теоцентризма, предложенные пуританами, трансформированные в демократическую парадигму, лежат в основе американской государственности.

Западная христианская культура пережила глубокую трансформацию, плодом которой стал совершенно новый духовно-нравственный тип человека. Эта историческая зрелость обновленного человеческого духа, как результат постижения своей уникальной роли в мире, нашла продолжение в идее гуманизма, где на первое место выходит максима созидательной свободы. Но в этом средневековом, если так можно сказать, пуританском модернизме совершенно не наблюдается фундаментальная нравственная и духовная максима восточного христианства: баланс акривии и икономии. То есть каноничность православия это не застывшая во времени догма, а, способность к духовной интуиции, к разумному деланию, способность к любви, и способность эта, по словам апостола Павла, «...свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (послание Павла к евреям 5:14).

Интересно сопоставление американской и русской религиозно-литературных картин мира. Известно, что русская культура органично впитала в себя духовные сокровища византийской цивилизации, неотъемлемой частью которой, можно даже сказать – центром которой стала православное христианство. Размышляя на тему византийского мироощущения, известный культуролог С.Аверинцев пишет: «Византийский тип богословской рефлексии имеет одно ключевое слово <...> — ακρίβεια («акривия»): буквально «точность», «тщание» в деле, «добросовестность», но также духовная «совестливость». Сами по себе это понятия общечеловеческие. Общечеловеческими являются и те их аспекты, которые важны для византийского семантического круга: во-первых, точность рассуждения, во-вторых, формальная безупречность технических или обрядовых процессов, в-третьих, скрупулезная совестливость нравственного и религиозного поведения» [1, с.428].

То есть в этом понимании то, что С.Аверинцев называет «скрупулезной совестливостью религиозного поведения», достаточно схоже с пуританской максимой «нравственной чистоты», которую культивировали в своих сочинениях отцы-основатели США и их последователи.

Таким образом, трансформация религиозно-философской парадигмы позднего средневековья в Европе существенно повлияла на последующее развитие западной цивилизации, в частности – американской, определила наиболее существенные пути ее развития, заложила фундамент для новой, американской, литературы.

Обе эти литературные картины мира (американская и русская) с самого начала базировались на библейской образности, обе формировали свою аутентичность в отрыве от исходной культурной матрицы (западноевропейская – у пуритан, византийская – у православных), где пуританская религиозно-нравственная система была оторвана от европейского наследия, связанного с эпохой Возрождения, с традициями европейского гуманизма.

Литература.

1. Аверинцев, С.С. Поэтика ранневизантийской литературы / С.С. Аверинцев. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480с.
2. Белорусский православный информационный портал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.by/page_book/spasenie-kak-obozhenie. – Дата доступа: 25.03.2014
3. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX вв. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mpda.ru/data/268/629/1234/Vera%20v%20gornile%20smneniy.pdf> – Дата доступа: 30.03.2014
4. Кураев, А. Диакон Андрей Кураев. Дневник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diak-kuraev.livejournal.com/540468.html/>. – Дата доступа: 28.03.2014

Исхан Дилекчи
(Турция)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ТУРЦИИ

В политике Турции отношения религии и политики в разных ракурсах время от времени выходит на повестку дня. Находящийся в правительстве с 2003 года премьер-министр Реджеп Таййип Эрдоган в одном из своих выступлений отметил, что они желают воспитать религиозную (благочестивую) молодежь, и что от консервативной демократической партии не следует ожидать воспитания поколения атеистов. И подчеркнул, что под этими словами он не подразумевает разделение на религиозных и нерелигиозных.

Эта речь премьер-министра обсуждалась и подвергалась критике в публичном пространстве некоторыми сегментами населения во главе с главным лидером оппозиции Кемалем Кылычдароглу. На этот раз, в отличие от споров прошлого, дискуссии не проходили вокруг тем фундаментализма, реакционизма-прогрессивизма. Критике подверглись факт разделения на религиозных и нерелигиозных и правильным ли является воспитание религиозной молодежи, используя государственную власть.

Можно с разных сторон смотреть на споры вокруг воспитания благочестивого поколения. Например, что подразумевается под религиозностью и что за религиозность предполагается? Каков уровень религиозности молодежи и зрелых людей в Турции? В этой статье ставится целью обеспечение некоего вклада, опираясь на результаты исследований, в актуально обсуждаемую и анализируемую в публичном пространстве тему, связанную с религиозностью.

Приводя результаты исследований связанных с религиозностью, вместе с Турцией будут затронуты и сопоставлены положения других стран. Из осуществленного в 2005 году эмпирического исследования под заглавием «Взгляд молодежи к жизни и их религиозная направленность», в которой участвовали, включая Турцию, 10 стран, будут предоставлены два результата опроса направленного на религиозные ценности на микроуровне у - учеников старших классов - молодежи. В исследовании участвовали Германия, Англия, Ирландия, Голландия, Финляндия, Швеция, Польша, Хорватия, Израиль и Турция. В Турции проект реализовал профессор Реджеп Каймакджан из Факультета Богословия- Университет Сакарья. В исследовании участвовали приблизительно 10 тысяч учеников старших классов из 10 стран. В выборе образцов в странах, участвующих в исследовании, были выбраны за основу успешные ученики из школ среднего размера в центре города.

По сведениям этого исследования на вопрос «Считаю ли себя верующим?» турецкая молодежь ответила 97% и занимает первое место, за ним с небольшим отрывом следуют Польша 94%, и